

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ И КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ СУИЦИДЕНТОВ ЗРЕЛОГО ВОЗРАСТА В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ ИМИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО КРИЗИСА

DOI: 10.25629/НС.2019.08.18

Сенкевич Л.В.¹, Орешкина А.С.²¹Российский государственный социальный университет²Московский научно-исследовательский институт психиатрии

Москва, Россия

Аннотация. Целью исследования послужили сравнительный анализ особенностей мотивационной, смысловой сфер личности и копинг-стратегий лиц зрелого возраста с суицидальным поведением и их ровесников с нормативным поведением, а также изучение взаимовлияния этих особенностей внутри обеих выборок. Суицидентам зрелого возраста свойственны высокий уровень суицидальной мотивации, сочетание адаптивных и дезадаптивных копинг-стратегий и переживание экзистенциального кризиса. К факторам риска развития суицидальной мотивации, обуславливающей суицидальное поведение, относятся утрата жизненных смыслов, копинг-стратегии дистанцирования и самоконтроля. Дистанцирование также способствует развитию экзистенциального кризиса у лиц с суицидальным поведением. К протективным факторам суицида и развития экзистенциального кризиса в зрелости относятся осмысленность жизни, экзистенциальная исполненность, копинг-стратегии положительной переоценки ситуации, планирования решения проблемы и поиска социальной поддержки.

Ключевые слова: суициденты, зрелый возраст, суицидальная мотивация, экзистенциальный кризис, копинг-стратегии, осмысленность жизни, экзистенциальная исполненность.

Актуальность проблемы исследования

Суицид и парасуицид являются одной из самых злободневных проблем мирового значения. Каждый год в мире совершается в среднем 936 500 самоубийств, а число незавершенных суицидальных попыток в 10-20 раз больше. По данным ВОЗ суицид занимает 13-ю позицию среди причин смерти и 6-ю среди причин потери трудоспособности в мире (Ласый и др., 2009; Холмогорова и др., 2016).

В российской и зарубежной психологии исследуются различные аспекты суицидального поведения: возрастные, гендерные, мотивационные. Но большинство работ посвящено суицидам и парасуицидам подростков и студенческой молодежи (Попов, Пичиков, 2011; Aldrich, 2018; Kostunina N.Y., 2014; Mortier *et al.*, 2017), либо лиц пожилого возраста (Conwell, 2014; Mauro *et al.*, 2003; Van Orden *et al.*, 2016). Суицидальное поведение в зрелости остается мало изученным в современной психологии, что и обуславливает актуальность выбранной нами темы исследования.

Основные теории и подходы

Проблема суицида является междисциплинарной, находясь на стыке философии, социологии, медицины и психологии. Существует множество концепций и подходов к проблеме суицида. Медицинский подход связывает суицидальное поведение с психическими расстройствами – пограничными, аффективными, нарциссическими, адаптационными, посттравматическими стрессовыми, связанными с злоупотреблением психоактивными веществами, расстройствами пищевого поведения и др. Феноменологический подход описывает суицид, как процесс, проходящий ряд последовательных стадий от суицидальных мыслей до суицидальных попыток и завершего суицида, при этом детерминирующими механизмами суицидального поведения считаются снижение эго-защит, сужение сферы межличностных отношений, нарастающие пассивность и ригидность, подавляемая и вследствие этого направляемая на себя

агрессия, фантазии о смерти (Чистопольская и др., 2013). Социологический подход, основанный на концепции Э. Дюркгейма (Дюркгейм, 1994), выделяет три типа суицида, обусловленных общественным устройством: аномический суицид, факторами которого являются социально-политические и экономические кризисы; эгоистический суицид, детерминируемый чрезмерной индивидуализацией; противопоставленный эгоистическому альтруистический суицид, причиной которого является дефицит индивидуальности, поглощение индивида группой. К психологическим концепциям суицидального поведения относятся мотивационные модели суицида К Меннингера и Э. Шнейдмана; клинико-психологическая концепция А.Г. Амбрумовой, ключевым понятием которой является микросоциальный конфликт; когнитивная модель суицидального поведения А. Бека; модель диатез-стресса, предполагающая наличие у суицидента врожденного или приобретенного дефицита некоторых способностей, детерминирующего суицидальное поведение (Чистопольская и др., 2013).

Нижней границей зрелости в данном исследовании определяется возраст 36 лет, верхней – 60 лет (Кулагина и Колоцкий, 2013). В зрелом или среднем возрасте достигается окончательная личностная зрелость. От освоения социума и социальных ролей зрелая личность должна перейти к освоению своего внутреннего мира (Кулагина и др., 2018). Этот этап онтогенетического развития должен быть периодом самореализации, вершины интеллектуального и творческого становления личности, высшего уровня профессионализации. На развитие личности в зрелости оказывают воздействие все более внедряющиеся в идеологию современного российского общества ценности культуры потребления и материального успеха. Материальное благополучие, приобретение собственности, карьерный рост определяют уровень удовлетворенности жизни, как у мужчин среднего возраста, так и у женщин (Рыжов, 2012). На этот период приходится один из нормативных возрастных кризисов взрослости – так называемый, кризис середины жизни. Этот кризис считается экзистенциальным и является довольно длительным переходным периодом, продолжающимся примерно с 39 до 45 лет (Слободчиков, 2000). Тяжесть протекания кризиса середины жизни зависит от успешности реализации человеком жизненного замысла, сформированного еще в юности.

Гипотезы

К индивидуально-психологическим особенностям суицидентов зрелого возраста относятся дисгармоничная структура копинг-стратегий, высокий уровень суицидальной мотивации, нарушения смысловой сферы личности.

К факторам риска суицида в зрелости относятся дезадаптивные копинг-стратегии и такие составляющие экзистенциального кризиса, как утрата жизненных смыслов, неудовлетворенность собой и жизнью, проблемы свободы и ответственности, тяжелые переживания.

Протективными факторами суицидальной мотивации, обуславливающей суицидальное поведение в зрелом возрасте, являются адаптивные виды копинга, осмысленность жизни и экзистенциальная исполненность.

Цель исследования

Целью исследования послужили сравнительный анализ индивидуально-психологических особенностей суицидентов зрелого возраста и их ровесников с нормативным поведением, а также изучение взаимовлияния этих особенностей. Предметом исследования являются особенности мотивационной, смысловой и поведенческой сферы суицидентов зрелого возраста.

Организация исследования

Эмпирическое исследование индивидуально-психологических особенностей суицидентов зрелого возраста в их сравнении с группой нормы проводилось в г. Москве с 2016 по 2018 г.г. В исследовании приняло участие 108 респондентов в возрасте от 36 до 59 лет. Группа суицидентов (основная группа), 63 респондента, 31 мужчина и 32 женщины, обследовалась на базах Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации, Психиатрической клинической больницы № 4 имени П.Б. Ганнушкина Департамента здравоохранения города

Москвы, Психиатрического стационара имени В.А. Гиляровского Департамента здравоохранения города Москвы, Центра психологической помощи Евгения Полякова (Москва). Среди респондентов основной группы 39 человек со средним, 23 – с высшим образованием, 1 – с двумя высшими образованиями, 16 состоят в официальном, 5 – в гражданском браке, 12 овдовели, при этом у двоих трагически погибли супруги и дети, 23 разведены, у одной из них погиб сын, 7 холосты (не замужем) и никогда ранее не состояли в браке. Детей имеют 48 респондентов, у 15 детей нет. Среди суицидентов не было выявлено лиц, находящихся на учете в психоневрологических или наркологических диспансерах. Предварительно проведенное медицинскими психологами данных учреждений патопсихологическое исследование выявило отсутствие эндогенной симптоматики у испытуемых суицидентов. Вместе с тем, по данным предварительной беседы с обследуемыми основной группы, 15 (27%) из них в течение последних трех лет регулярно употребляли алкоголь, четверо (4,32%) имели в жизненном анамнезе опыт употребления наркотических веществ.

Здоровые респонденты (контрольная группа или группа нормы), 45 испытуемых, 21 мужчина и 24 женщины, обследовались на базах факультетов дополнительного профессионального образования ряда вузов города Москвы. В группу нормы вошли слушатели курсов профессиональной переподготовки и повышения квалификации, их родственники и знакомые. Среди респондентов контрольной группы 24 человека со средним, 2 с незаконченным высшим и 19 с высшим образованием, в браке состоят 28, овдовели 3, разведены 12, никогда не состояли в браке – 2. Дети имеются у 43 здоровых респондентов из 45.

Методы исследования

В данном исследовании применялись следующие методики:

Тест “Суицидальная мотивация” (СМ) Ю.Р. Вагина (Вагин, 1999), включающий в себя семь мотивационных шкал: альтруистическая мотивация (побудителем суицидального поведения является смерть ради других, убежденность в том, что уход из жизни принесет облегчение родным и близким), аномическая мотивация (детерминантой суицида является потеря смысла жизни), анестетическая мотивация (суицидальные мысли и действия обусловлены невыносимостью страдания, отчаяния, безнадежностью), инструментальная мотивация (суицидальная попытка имеет своей целью манипулирование значимыми другими), аутопунитическая мотивация (суицидальное поведение детерминировано чувствами вины и стыда, суицид выступает как самонаказание), гетеропунитическая мотивация (суицидальные действия как наказание других, воспринимаемых как обидчики и преследователи), поствитальная мотивация (в качестве побудителя выступают ожидания чего-то лучшего после смерти).

“Тест смысложизненных ориентаций” (СЖО), представляющий собой адаптированную Д.А. Леонтьевым версию Purpose-in-Life Test (PIL) D. Crumbaugh, L. Maholick (Леонтьев, 2000). Тест включает в себя пять субшкал: ориентация на стратегически значимые цели в жизни (Цели); субшкала ориентации на жизненный процесс, подразумевающая вовлеченность и интерес к жизни (Процесс); субшкала ориентации на результативность жизни – показатель продуктивности и успешной самореализации (Результат); субшкала локуса контроля “Я” – показатель личностной компетентности (ЛК “Я”); субшкала локуса контроля “Жизнь” – показатель способности управлять жизнью, уверенности в возможности жизненного выбора (ЛК “Жизнь”). Эти пять показателей составляют общий показатель осмысленности жизни (ОЖ).

“Шкала экзистенции” (ШЭ), представляющая собой адаптированную С.В. Кривцовой версию Existenzskala A. Лэнгле, К. Орглер (Кривцова и др., 2009). ШЭ включает в себя четыре субшкалы: самодистанцирование (SD) – показатель способности мысленно и эмоционально отдалиться от ситуации, изменить позицию непосредственного участника событий на позицию объективного наблюдателя; самотрансценденция (ST) – показатель способности ориентироваться на жизненные смыслы и ценности, а не только на поставленные цели; свобода (F) – показатель креативности, спонтанности, решительности; ответственность (V) – показатель интернальности, готовности к выполнению взятых на себя обязательств. В сумме две субшкалы SD и ST составляют фактор личности (P) – показатель продуктивного использования

базовых личностных способностей, открытости людям и миру. Сумма двух других субшкал – F и V – означает фактор экзистенции (E) – показатель умения конструктивно ориентироваться во внешнем мире и в конкретных жизненных ситуациях, успешно справляться с трудностями, возникающими на жизненном пути личности. Сумма P и E составляет общий показатель экзистенциальной исполненности (G-WERT), определяющий уровень насыщенности жизни экзистенциальным смыслом.

Опросник “Переживание экзистенциального кризиса” (ПЭК) Л.В. Сенкевич, включающий в себя 10 шкал: “Неудовлетворенность собой”, “Неудовлетворенность своим прошлым”, “Неудовлетворенность своим настоящим”, “Отчаяние, страдание, чувство вины”, “Бессмысленность социальных связей”, “Бессмысленность дела, профессии, карьеры”, “Обесценивание человеческой жизни”, “Одиночество”, “Незащищенность”, “Проблемы свободы и ответственности”. Подробное описание всех шкал ПЭК приведено в статье, посвященной феноменологическим и динамическим характеристикам экзистенциального кризиса личности (Senkevich, 2016).

Опросник способов совладания (ОСС), представляющий собой адаптированную Т.Л. Крюковой и Е.В. Куфтяк версию Ways of Coping Questionnaire (WCQ) R. Lazarus, S. Folkman (Крюкова, 2010). ОСС включает в себя 8 шкал. Шесть шкал относятся к эмоционально-ориентированным способам совладания со стрессом и трудными жизненными ситуациями: шкала конфронтации, характеризующаяся агрессивным противодействием стрессу, фрустрации, конфликтам и кризисам; шкала дистанцирования, направленная на преуменьшение значимости сложной жизненной ситуации, стремление отдалиться от проблемы, преуменьшить ее значимость путем рационализации, обесценивания, переключения внимания; шкала самоконтроля, характеризующаяся целенаправленным подавлением аффектов и эмоций, высоким уровнем самообладания индивида; шкала бегства-избегания, подразумевающая отрицание проблемы, уклонение или перенос ответственности за происходящее, уход в фантазирование, в алкогольную или наркотическую зависимость; шкала положительной переоценки ситуации, предполагающая позитивное осмысление трудной жизненной ситуации, конфликта или кризиса в целях дальнейшего личностного развития с учетом полученного опыта. Одна шкала относится к проблемно-ориентированным: копинг-стратегия планирования решения проблемы, определяемая как произвольная когнитивная деятельность по продуктивному выходу из кризиса, позитивному изменению ситуации или разрешению конфликта. Последняя, восьмая шкала поиска социальной поддержки включает в себя как эмоциональный компонент, проявляющийся в поиске эмоциональной поддержки со стороны социального окружения, так и инструментальный компонент, предполагающий поиск информационной и действенной поддержки, а также получение обратной связи от других людей.

Статистическая обработка полученных данных проводилась в статистической системе IBM SPSS Statistics 22. Так как распределение первичных данных было близко к нормальному, в качестве метода оценки достоверности различий среднегрупповых значений показателей (СЗП) был выбран параметрический t-критерий Стьюдента. В статистических расчетах также использовался параметрический критерий корреляции Пирсона.

Результаты исследования

Мотивационная сфера испытуемых

Мотивационная сфера личности суицидентов зрелого возраста и их ровесников из группы нормы изучалась с помощью Теста “Суицидальная мотивация”. Как видно на рисунке 1, все показатели суицидальной мотивации в группе суицидентов зрелого возраста существенно выше, чем в контрольной группе.

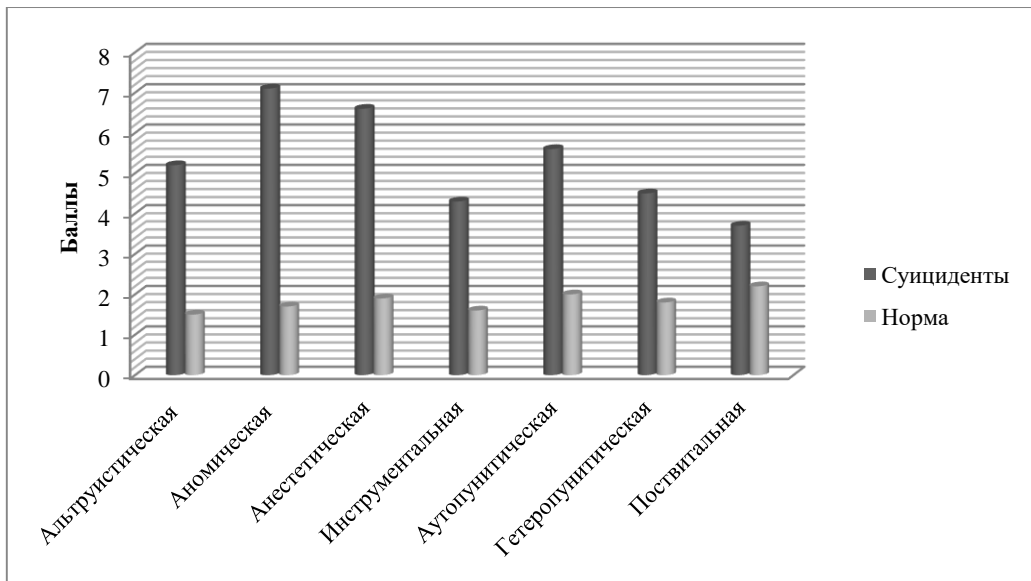

Рисунок 1 – Сравнение показателей шкал суицидальной мотивации испытуемых основной и контрольной выборок

Статистический анализ полученных данных определил, что различия между выборками по всем средним значениям показателей суицидальной мотивации достоверны. Достоверность различий между группами по всем шкалам, кроме поствитальной мотивации, находится на высоком уровне значимости ($p \leq 0,001$). Различия в показателях поствитальной мотивации достоверны на пятипроцентном уровне значимости ($p < 0,05$).

Таблица 1 – Значимость различий в показателях теста “СМ” (баллы)

Вид суицидальной мотивации	Суициденты, СЗП	Норма, СЗП	t-критерий Стьюдента	Значимость различий (p)
Альтруистическая	5,2	1,5	-4,681	0,000
Аномическая	7,1	1,7	-6,664	0,000
Анестетическая	6,6	1,9	-5,452	0,000
Инструментальная	4,3	1,6	-3,938	0,000
Аутопуническая	5,6	2	-5,289	0,000
Гетеропуническая	4,5	1,8	-3,542	0,001
Поствитальная	3,7	2,2	-2,174	0,032

Значения показателей суицидальной мотивации у суицидентов в несколько раз превышают среднегрупповые показатели здоровых респондентов.

Поведенческая сфера испытуемых

Поведенческая сфера суицидентов зрелого возраста и их ровесников из контрольной группы изучалась с помощью ОСС. Показатели таких способов совладания, как принятие ответственности, дистанцирование, бегство-избегание, самоконтроль в группе суицидентов зрелого возраста выше, чем в группе нормы. СЗП конфронтации, поиска социальной поддержки, планирования решения проблемы, положительной переоценки ситуации в обеих выборках находятся примерно на одном уровне (рисунок 2).

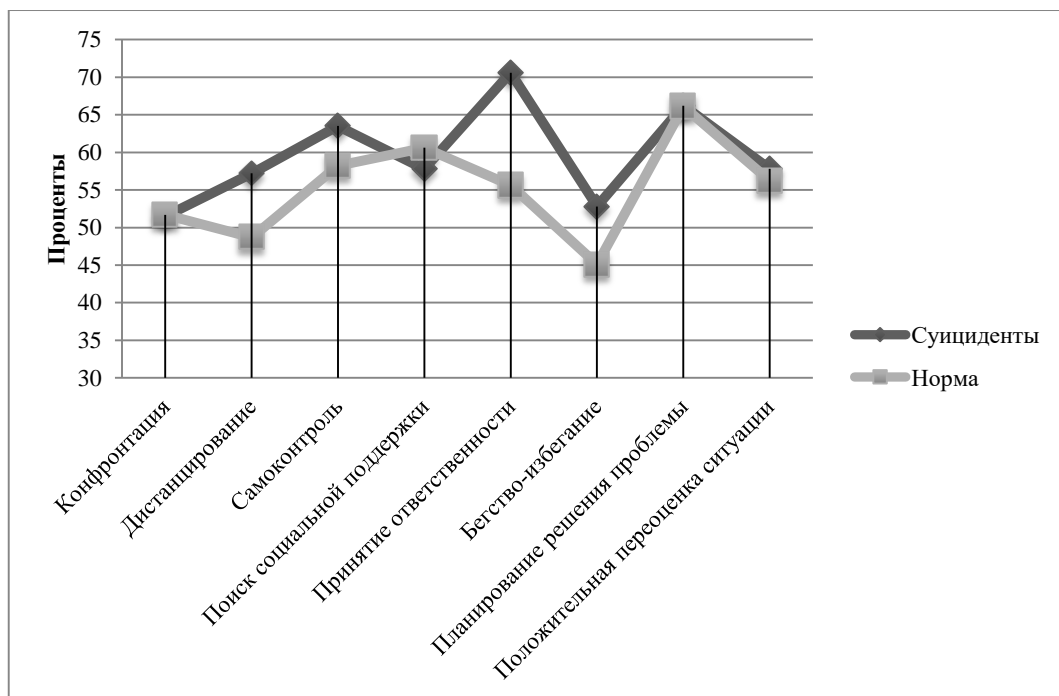

Рисунок 2 – Сравнение показателей шкал копинг-стратегий испытуемых основной и контрольной выборок

Достоверные, на высоком уровне значимости, различия между выборками выявлены в показателях принятия ответственности ($p < 0,001$). Статистически значимые различия выявлены также в показателях дистанцирования и бегства-избегания ($p < 0,05$).

Таблица 2 – Значимость различий в показателях теста “ОСС” (проценты)

Копинг-стратегия	Суициденты, СЗП	Норма, СЗП	t-критерий Стьюдента	Значимость различий (p)
Конфронтация	51,5%	51,7%	0,069	0,945
Дистанцирование	57,2%	48,7%	-2,319	0,022
Самоконтроль	63,5%	58,2%	-1,589	0,115
Поиск социальной поддержки	57,8%	60,6%	0,659	0,511
Принятие ответственности	70,6%	55,6%	-3,926	0,000
Бегство-избегание	52,8%	45,1%	-2,402	0,018
Планирование решения проблемы	66,2%	66,1%	-0,031	0,975
Положительная переоценка ситуации	57,8%	56,2%	-0,411	0,682

По другим копинг-стратегиям достоверных различий между суицидентами зрелого возраста и их ровесниками из группы нормы не обнаружено.

Смысловая сфера испытуемых

Смысловая сфера личности суицидентов и здоровых респондентов зрелого возраста исследовалась с помощью методик СЖО, ШЭ и ПЭК.

Как видно на рисунке 3, показатели всех смысложизненных ориентаций, также как и общих показателей ОЖ, в группе суицидентов ниже, чем в группе нормы.

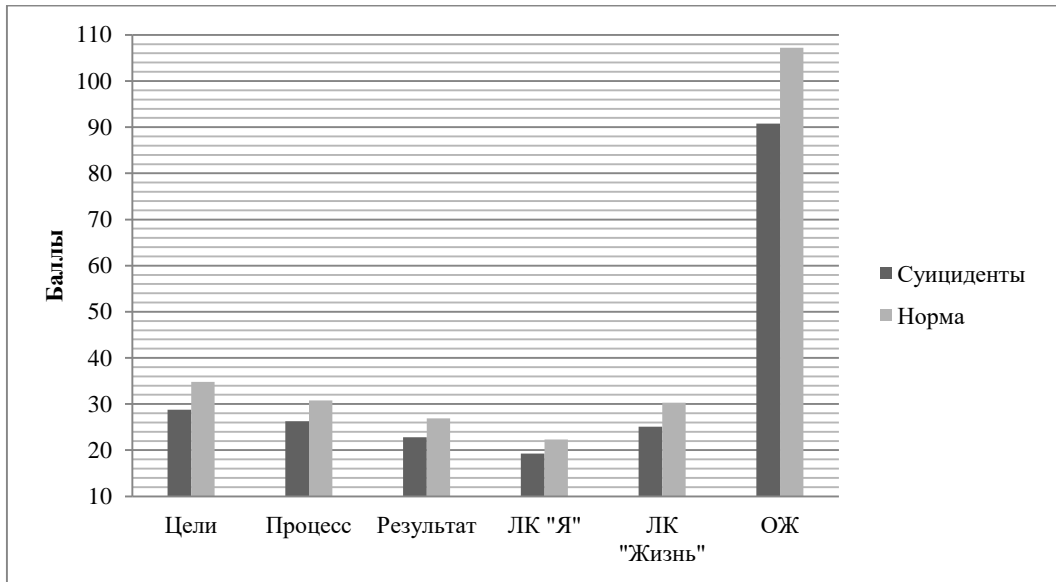

Рисунок 3 – Сравнение показателей смысложизненных ориентаций и общих показателей осмысленности жизни испытуемых основной и контрольной выборок

Как видно в таблице 1, достоверные, на высоком уровне значимости, различия между выборками выявлены в показателях целей в жизни, процесса жизни, результативности жизни, локуса-контроля “Жизнь” и общих показателях ОЖ ($p < 0,005$ и $p < 0,01$). Также статистически значимые различия выявлены в показателях локуса-контроля “Я” ($p < 0,05$).

Таблица 3 – Значимость различий в показателях теста СЖО (баллы)

Показатели теста СЖО	Суициденты, СЗП	Норма, СЗП	t-критерий Стьюдента	Значимость различий (p)
Цели в жизни	28,8	34,8	3,464	0,001
Процесс жизни	26,3	30,8	2,771	0,007
Результативность жизни	22,8	26,9	3,004	0,003
Локус контроля "Я"	19,3	22,3	2,571	0,012
Локус контроля "Жизнь"	25,1	30,3	3,517	0,001
Общий показатель осмысленности жизни	90,8	107,2	3,588	0,001

Показатели всех субшкал ШЭ (самотранценденции (SD), самодистащирования (ST), свободы (F), ответственности (V)), фактора персональности (P), фактора экзистенции (E), также, как и общие показатели экзистенциальной исполненности, в группе суицидентов зрелого возраста ниже, чем в группе нормы.

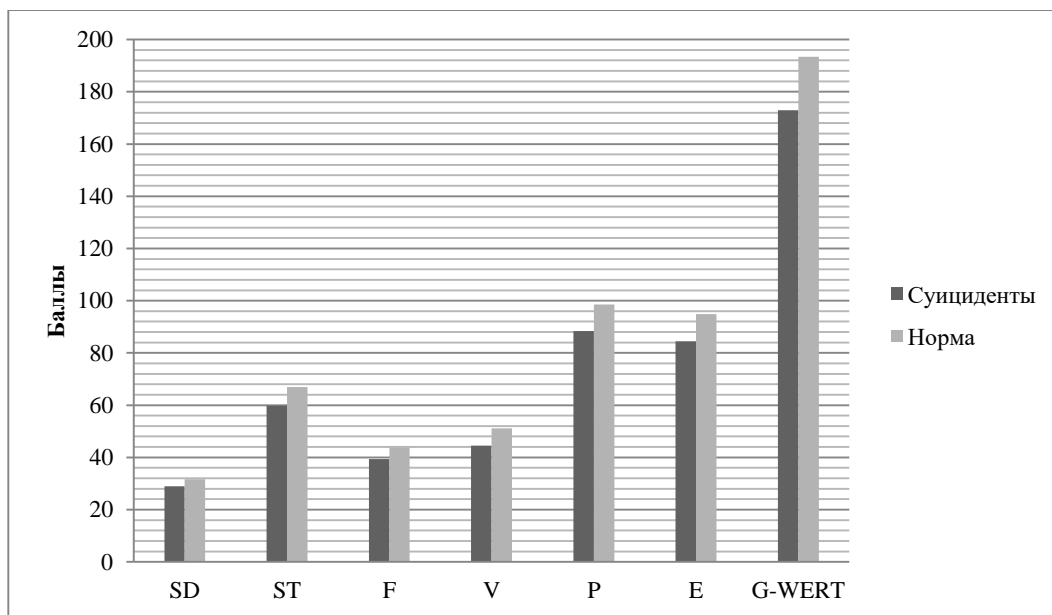

Рисунок 4 – Сравнение показателей субшкал Шкалы экзистенции испытуемых основной и контрольной выборок

Статистический анализ полученных данных выявил значимые и квази-значимые ($0,05 < p < 0,1$) различия между выборками во всех показателях ШЭ (таблица 4). Квази-значимые (на уровне тенденции) различия зафиксированы в показателях самоистанционирования. Достоверность различий в показателях всех остальных субшкал ШЭ находятся на высоком уровне значимости ($p < 0,01$).

Таблица 4 – Значимость различий в показателях ШЭ (баллы)

Субшкалы ШЭ	Суициденты	Норма	t-критерий Стьюдента	Значимость различий (p)
Самодистанционирование (SD)	28,9	31,6	1,711	0,090
Самотрансценденция (ST)	59,8	66,9	2,746	0,007
Свобода (F)	39,3	43,8	2,668	0,009
Ответственность (V)	44,5	51,1	3,059	0,003
Персональность (P)	88,4	98,5	2,787	0,006
Экзистенция (E)	84,5	94,9	2,797	0,006
Общий показатель экзистенциальной исполненности (G-WERT)	172,9	193,4	3,010	0,003

Степень выраженности экзистенциального кризиса у испытуемых определялась с помощью методики ПЭК. Показатели всех десяти шкал ПЭК в группе суицидентов существенно выше, чем у здоровых респондентов (рисунок 5).

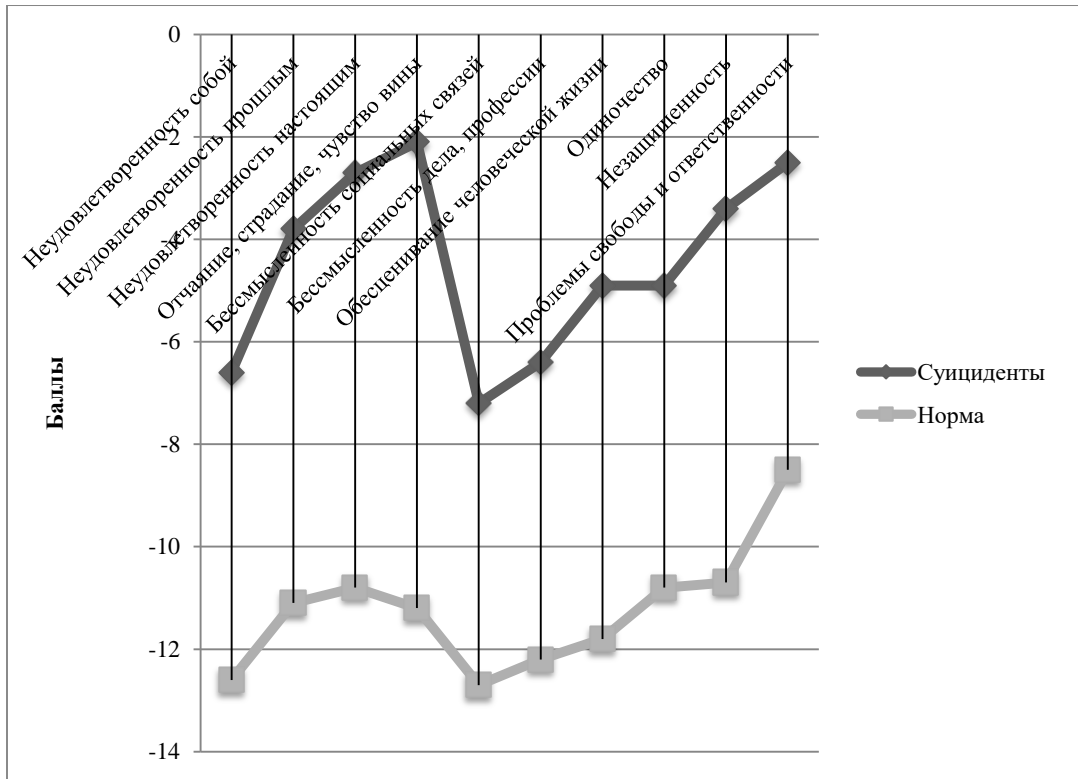

Рисунок 5 – Сравнение показателей методики “Переживание экзистенциального кризиса” испытуемых основной и контрольной выборок

Все различия между выборками в показателях шкал методики “Переживание экзистенциального кризиса” (таблица 5) достоверны на высоком уровне значимости ($p \leq 0,001$).

Таблица 5 – Значимость различий в показателях ПЭК (баллы)

Шкала ПЭК	Суициденты	Норма	t-критерий Стьюдента	Значимость различий (p)
Неудовлетворенность собой	-6,60	-12,58	-3,827	0,000
Неудовлетворенность прошлым	-3,84	-11,07	-4,057	0,000
Неудовлетворенность настоящим	-2,75	-10,84	-4,809	0,000
Отчаяние, страдание, чувство вины	-2,03	-11,16	-5,689	0,000
Бесмысленность социальных связей	-7,14	-12,73	-3,641	0,000
Бесмысленность дела, профессии, карьеры	-6,35	-12,20	-3,977	0,000
Обесценивание человеческой жизни	-4,95	-11,87	-4,507	0,000
Одиночество	-4,97	-10,82	-3,534	0,001
Незащищенность	-3,37	-10,76	-4,330	0,000
Проблемы свободы и ответственности	-2,51	-8,53	-4,036	0,000

В группе суицидентов в наибольшей степени выражены такие критерии экзистенциального кризиса, как отчаяние, страдание, чувство вины; проблемы свободы и ответственности; неудовлетворенность своим настоящим.

Корреляционный анализ полученных данных

В группе суицидентов выявлены значимые положительные корреляции ($p < 0,005$ и $p < 0,05$) копинг-стратегии “дистанцирование” с инструментальной, аутопунитической, гетеропунитической и поствитальной суицидальной мотивацией (СМ). Самоконтроль (ОСС) положительно коррелирует с поствитальной суицидальной мотивацией ($p < 0,05$). Копинг-стратегия “положительная переоценка ситуации” отрицательно коррелирует с альтруистической суицидальной мотивацией ($p < 0,05$).

В группе нормы выявлены значимые отрицательные корреляции аутопунитической суицидальной мотивации с копинг-стратегиями “поиск социальной поддержки” и “планирование решения проблемы”.

В обеих выборках выявлены значимые и квази-значимые ($p < 0,005$, $p < 0,05$ и $0,05 < p < 0,1$) отрицательные корреляции аномической и анестетической суицидальной мотивации со всеми показателями смысложизненных ориентаций, а также с общими показателями осмысленности жизни (СЖО); альтруистической суицидальной мотивации с результативностью жизни и ЛК “Я” ($p < 0,05$); инструментальной суицидальной мотивации с ЛК “Жизнь” ($p < 0,05$); аутопунитической суицидальной мотивации с показателями “Цели в жизни”, “Процесс жизни”, ЛК “Я” и ОЖ ($p < 0,01$ и $p < 0,05$). В выборке суицидентов обнаружены значимые и квази-значимые ($p < 0,005$, $p < 0,05$ и $0,05 < p < 0,1$) отрицательные корреляционные связи всех показателей СМ и СЖО, за исключением ЛК “Я” с гетеропунитической и поствитальной мотивацией (выявленные отрицательные корреляции незначимы). Значимых отрицательных связей показателей СМ с показателями СЖО существенно больше, чем квази-значимых.

В группе суицидентов большинство показателей шкал суицидальной мотивации отрицательно коррелируют с показателями субшкал ШЭ на высоком уровне значимости ($p \leq 0,001$ и $p < 0,005$). В группе нормы таких отрицательных связей существенно меньше и выражены они слабее ($p < 0,05$): самотрансценденция отрицательно коррелирует с альтруистической, аномической и анестетической суицидальной мотивацией, персональность – с аномической и гетеропунитической.

В обеих выборках выявлены значимые и квази-значимые, при заметном преобладании первых, положительные корреляционные связи показателей суицидальной мотивации практически со всеми показателями методики “Переживание экзистенциального кризиса” ($p < 0,005$, $p < 0,05$ и $0,05 < p < 0,1$).

В обеих выборках выявлены положительные связи копинг-стратегии “планирование решения проблемы» (ОСС) со смысложизненными стратегиями целей в жизни, ЛК “Я”, ЛК “Жизнь” и общими показателями осмысленности жизни, как значимые, так и на уровне тенденции ($p < 0,01$, $p < 0,05$ и $0,05 < p < 0,1$).

В группе суицидентов копинг-стратегия «положительная переоценка ситуации» положительно коррелирует со всеми показателями СЖО и Шкалы экзистенции, причем выявленные связи высокой степени тесноты ($p < 0,005$). В группе нормы значимых положительных связей между показателями ОСС и СЖО не зафиксировано, выявлены значимые положительные корреляции положительной переоценки ситуации с субшкалой “ответственность” и общим показателем экзистенциальной исполненности ШЭ ($p < 0,05$), а также квази-значимая положительная корреляция положительной переоценки ситуации с субшкалой ШЭ “свобода” ($p = 0,073$).

В группе нормы выявлены значимые положительные корреляции копинг-стратегии “поиск социальной поддержки” с рядом показателей смысложизненных ориентаций и общим показателем осмысленности жизни (СЖО), а также с показателем субшкалы “ответственность” ШЭ ($p < 0,005$ и $p < 0,05$). Также у здоровых респондентов обнаружена значимая отрицательная корреляция поиска социальной поддержки и субшкалы “самодистанцирование” ШЭ ($p < 0,05$). В группе суицидентов поиск социальной поддержки положительно коррелирует с самодистанцированием, а также с такими показателями ШЭ, как самотрансценденция, персональность и общий показатель экзистенциальной исполненности ($p < 0,05$).

В группе суицидентов выявлены значимые ($p < 0,01$ и $p < 0,05$) и квази-значимые ($0,05 < p < 0,1$) отрицательные связи копинг-стратегии “дистанцирование” и всеми показателями теста СЖО и Шкалы экзистенции, за исключением самодистанцирования (ШЭ), значимые положительные корреляции стратегии “дистанцирование” со всеми показателями методики “Переживание экзистенциального кризиса” ($p < 0,01$ и $p < 0,05$) и значимые отрицательные корреляции копинг-стратегии “положительная переоценка ситуации” со всеми показателями ПЭК ($p < 0,01$ и $p < 0,05$).

В обеих выборках обнаружены значимые отрицательные корреляции копинг-стратегии “поиск социальной поддержки” и шкалы “одиночество” опросника ПЭК; значимые и квази-значимые отрицательные корреляции копинг-стратегии “планирование решения проблемы” с такими шкалами ПЭК, как неудовлетворенность собой, бессмысленность социальных связей, одиночество, незащищенность ($p < 0,05$ и $0,05 < p < 0,1$). В группе суицидентов планирование решения проблемы отрицательно связано с показателями шкал “отчаяние, страдание, чувство вины”, “бессмысленность дела, профессии, карьеры”, “обесценивание человеческой жизни” методики ПЭК ($p \leq 0,005$ и $p < 0,05$), а поиск социальной поддержки – с показателями шкалы “бессмысленность дела, профессии, карьеры”. В группе нормы копинг-стратегия “принятие ответственности” положительно коррелирует практически со всеми шкалами опросника “ПЭК”.

В обеих группах все показатели теста СЖО и большинство показателей ШЭ отрицательно связаны с показателями ПЭК ($p < 0,01$, $p < 0,05$ и $0,05 < p < 0,1$).

Обсуждение результатов

В проведенном исследовании была предпринята попытка изучить факторы суицидального поведения лиц зрелого возраста.

Основным критерием склонности к суицидальному поведению в зрелом возрасте является высокий уровень суицидальной мотивации. Среди семи основных мотивационных аспектов суицидального поведения у суицидентов зрелого возраста доминируют аномическая и анестетическая суицидальная мотивация. Это свидетельствует о том, что основными побудителями суицида в зрелости являются смыслоутрата в совокупности с субъективными ощущениями невыносимости страдания, безысходности, безнадежности, отчаяния

Поведенческая сфера суицидентов зрелого возраста является достаточно дисгармоничной: в ней доминируют две адаптивные копинг-стратегии (принятие ответственности, планирование решения проблемы и самоконтроль), но также выражены и два дезадаптивных вида копинга: дистанцирование и бегство-избегание. У здоровых респондентов доминируют такие адаптивные способы совладания, как планирование решения проблемы, поиск социальной поддержки и самоконтроль, дезадаптивные виды копинга занимают депрессивные позиции. Результаты, полученные в группе нормы, согласуются с данными предыдущих исследований возрастных и гендерных особенностей копинга, проведенных на примере российской популяции: анализ способов совладания, осуществленный на выборке количеством 1627 россиян, показал, что ведущими копинг-стратегиями в возрастных когортах 31-45 лет и 46-60 лет являются самоконтроль, планирование решения проблемы, положительная переоценка ситуации и поиск социальной поддержки (Исаева, 2009).

Существуют разные подходы к проблеме совладающего поведения. Ряд исследователей подразделяет копинг-стратегии на адаптивные, продуктивные и дезадаптивные, контрпродуктивные (Бугрим и Колмаков, 2012; Базаркина, 2013). К адаптивным способам совладания со стрессом, как правило, относят самоконтроль, поиск социальной поддержки, принятие ответственности, планирование решения проблемы, положительную переоценку ситуации. Дезадаптивными способами совладания с трудными жизненными ситуациями чаще всего называют копинг-стратегии бегства-избегания, конфронтацию, дистанцирование (Базаркина, 2013). Другие авторы полагают, что продуктивность любой копинг-стратегии зависит от специфики конкретной жизненной ситуации и наличествующих личностных ресурсов, поэтому говорить об адаптивности или дезадаптивности отдельных способов совладающего поведения некорректно. Сторонники второго подхода, описывая каждую копинг-стратегию, анализируют как положительные, так и отрицательные ее аспекты (Вассерман и др., 2008). В контексте этих двух подходов попытаемся

проанализировать влияние копинг-стратегий суицидентов зрелого возраста на суицидальную мотивацию и смыслоутрату, приводящую к экзистенциальному кризису.

Корреляционные связи между суицидальной мотивацией и копинг-стратегиями и у суицидентов и у здоровых респондентов немногочисленны. В группе нормы к протективным факторам суицидальной мотивации, обуславливающей суицидальное поведение, можно отнести стратегии поиска социальной поддержки и планирования решения проблемы. В группе суицидентов протективным (предохраняющим от суицида) видом копинга является стратегия положительной переоценки ситуации. Стратегия самоконтроля, в рамках первого подхода считающаяся адаптивной, напротив, является фактором суицидального риска в основной группе респондентов-суицидентов, так как подкрепляет поствитальную суицидальную мотивацию. Возможно, это объясняется тем, что, в контексте второго подхода, выраженное доминирование такого способа совладания, как самоконтроль, может свидетельствовать о чрезмерной замкнутости, подавлении эмоций и потребностей, недоверии к социальному окружению, высоком уровне тревожности и тщательно подавляемых страхов, сверхтребовательности к себе и перфекционизме, который, согласно современным зарубежным исследованиям, является одним из ведущих факторов суицидальных мыслей и суицидальных попыток в разных возрастах (Donaldson *et al.*, 2000; Blankstein *et al.*, 2007; Abdollahi & Carlbring, 2017).

Фактором риска развития суицидальной мотивации и последующих суицидальных попыток в основной группе является копинг-стратегия дистанцирования, определяемая рядом исследователей как дезадаптивная. Рационализация, отстранение и обесценивание, составляющие ядро данной копинг-стратегии, используются суицидентами для того, чтобы выдавать себе индульгенции на самодеструктивное поведение.

Приоритетное место в структуре способов совладающего поведения суицидентов зрелого возраста занимает копинг-стратегия принятия ответственности. Вероятно, высокая степень выраженность данного способа совладания в поведении суицидентов, приводит к чрезмерной самокритике и самоуничтожению, переживанию чувства вины и неудовлетворенности собой и жизнью, что является факторами риска развития депрессивных состояний и суицидальных мыслей (Вассерман и др., 2008). Необходимо отметить, что в группе здоровых респондентов, эта стратегия является фактором риска смыслоутраты и экзистенциального кризиса.

К защитным видам копинга, предохраняющим от развития экзистенциального кризиса и потери жизненных смыслов в зрелости, относятся стратегии положительной переоценки ситуации, планирования решения проблемы и поиска социальной поддержки. К факторам риска развития экзистенциального кризиса у суицидентов зрелого возраста относится копинг-стратегия дистанцирования. Этот контрпродуктивный способ совладающего поведения одновременно является как фактором смыслоутраты, так и фактором развития суицидальных мыслей и мотивов.

Качественный анализ показателей смысловой сферы личности респондентов основной группы позволил сделать следующие умозаключения. Лицам зрелого возраста с суицидальным поведением свойственно отсутствие адекватной перспективы потребного будущего; неудовлетворенность свои настоящим; результативностью своей жизни и самореализацией; неверие в свои силы и фатализм; фиксация на своих неудовлетворенных потребностях и аффектах в сочетании с зависимостью от случайных раздражителей; ощущение эмоциональной выхолощенности, апатии и безразличия; нерешительность и неуверенность в своих действиях; страх перед трудными жизненными ситуациями и их последствиями; чувство иррациональной вины за все, что происходит.

Осмысленность жизни и экзистенциальная исполненность являются основными протективными факторами суицидального поведения в зрелости. Дефицит осмысленности жизни и экзистенциальной исполненности, наблюдаемый у суицидентов зрелого возраста, обуславливает развитие экзистенциального кризиса. Переживание экзистенциального кризиса в зрелости является основным фактором риска формирования суицидальных мыслей и суицидальных мотивационных комплексов.

Заключение

Сравнительный, межгрупповой, и корреляционный, внутригрупповой, анализ особенностей мотивационной, поведенческой и смысловой сферы суицидентов и их ровесников из группы нормы частично подтвердил выдвинутые в начале исследования гипотезы. У суицидентов зрелого возраста ярко выражены все семь мотивационных аспектов суицида, структура копинга достаточно дисгармонична, сочетая в себе как продуктивные, так и контрпродуктивные способы совладающего поведения. Переживание экзистенциального кризиса является основным фактором суицидальной мотивации, а, следовательно, и суицидального поведения лиц среднего возраста. Протективными факторами суицида в зрелости являются осмысленность жизни и экзистенциальная исполненность. Развитию экзистенциального кризиса в зрелости противодействуют копинг-стратегии положительной переоценки ситуации, планирования решения проблемы и поиска социальной поддержки.

Наши гипотезы не нашли эмпирического подтверждения в той их части, где речь идет о копинг-стратегиях как протективных и способствующих суициду факторах. Эмпирическое исследование показало, что факторами суицидального риска в зрелости могут быть как дезадаптивные, так и считающиеся адаптивными способы совладающего поведения. Этот аспект является темой для дальнейших исследований, которые планируется провести на выборках большего размера.

Полученные результаты вносят вклад в теорию и практику суицидологии, клинической и возрастной психологии. Опираясь на полученные данные, планируется разработать психокоррекционную программу превенции и поственции парасуицидов с учетом возрастного фактора.

Литература

1. Базаркина И.Н. Личностные ресурсы и паттерны поведения в критических ситуациях в юношеском и зрелом возрастах (в разных культурно-исторических условиях). Дис. канд. психолог. наук. М., 2013.
2. Бутрим Г.А., Колмаков А.А. Неадаптивные копинг-стратегии как факторы суицидального риска у молодых людей // Высшая школа, 2012. №6, с. 49-53.
3. Вагин Ю.Р. Профилактика суицидального и аддиктивного поведения у подростков. Пермь: Департамент образования и науки Администрации Пермской области, Пермская государственная медицинская академия. 1999.
4. Методика для психологической диагностики способов совладания со стрессом и проблемными для личности ситуациями / Вассерман Л.И., Иовлев, Б.В., Исаева, Е.Р., Трифонова, Е.А., Щелкова, О.Ю., Новожилова, М.Ю., Вукс, А.Я. СПб: Издательство «Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева». 2009.
5. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль. 1994.
6. Исаева, Е.Р. (2009). Копинг-поведение: анализ возрастных и гендерных различий на примере российской популяции. Вестник Томского государственного педагогического университета. Раздел «Психология», 11 (89), 144-147.
7. Кривцова, С.В., Лэнгле, А., Орглер, К. (2009). Шкала экзистенции (Existenzskala) А. Лэнгле и К. Орглер. Экзистенциальный анализ, 1, 241-271.
8. Крюкова, Т.Л. (2010) Методы изучения совладающего поведения. Кострома: Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова.
9. Кулагина, И.Ю., Апасова, Е.В., Метелина, А.А. (2018) Феномен взрослости: развитие личности и жизненный путь. Учебное пособие для вузов. Москва: Академический проект.

10. Кулагина, И.Ю., Коллюцкий В.Н. (2013). *Возрастная психология. Полный жизненный цикл развития человека. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений*. Москва: Академический проект.
11. Ласый, Е.В., Давидовский, С.В., Хвостова, И.И. (2009). *Оценка суицидального риска и профилактика суицидального поведения*. Минск: Белорусская медицинская академия последипломного образования.
12. Леонтьев, Д.А. (2000). *Тест смысложизненных ориентаций (СЖО)*. Москва: Смысл.
13. Попов, Ю.В., Пичиков, А.А. (2011). Особенности суицидального поведения у подростков (обзор литературы). *Обзор психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева*, 4, 4-8.
14. Рыжов, Б.Н. Системная периодизация развития. *Системная психология и социология*, 5 (1), 5-25.
15. Слободчиков, В.И., Исаев, Е.И. (2000). *Основы психологической антропологии. Психология развития человека*. Москва: Школьная Пресса.
16. Черная, М.И., Холмогорова, А.Б., Зубарева, О.В. (2016). Клинические и социально-психологические характеристики пациентов с суицидальными попытками. *Консультативная психология и психотерапия*, Т. 24, # 3, 69-88. doi: 10.17759/cpp.20162403005
17. Чистопольская, К.А., Ениколопов, С.Н., Магурдумова, Л.Г. (2013). Медико-психологические и социально-психологические концепции суицидального поведения. *Суицидология*, Т. 4. # 3 (12), 26-36.
18. Abdollahi, A. & Carlbring, P.J. (2017). Coping Style as a Moderator of Perfectionism and Suicidal Ideation Among Undergraduate Students. *Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy*. September 2017, V. 35, # 3, 223–239. <https://doi.org/10.1007/s10942-016-0252-0>
19. Aldrich R.S. (2018) A closer look: College students' exposure to suicide and intention to intervene. *Mental Health & Prevention*, V.11, 1-7. doi.org: 10.1016/j.mhp.2018.04.001
20. Blankstein, K. R., Lumley, C. H., & Crawford, A. (2007). Perfectionism, hopelessness, and suicide ideation: Revisions to diathesis-stress and specific vulnerability models. *Journal of Rational-Emotive and Cognitive-Behavior Therapy*. December 2007, V.25, # 4, 279–319. doi: 10.1007/s10942-007-0053-6.
21. Conwell, Y. Suicide Later in Life: Challenges and Priorities for Prevention. *American Journal of Preventive Medicine* V. 47, # 3, Supplement 2, 244-250. <https://doi.org/10.1016/j.amepre.2014.05.040>.
22. Donaldson, D., Spirito, A., & Farnett, E. (2000). The role of perfectionism and depressive cognitions in understanding the hopelessness experienced by adolescent suicide attempters. *Child Psychiatry and Human Development*, 31(2), 99–111. doi: 10.1023/A:1001978625339.
23. Kostunina, N.Y. (2014) Prevention of Student Youth Suicidal Behaviour. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, V. 131, 57-60. doi.org:10.1016/j.sbspro.2014.04.079
24. Mauro, S.D., Leotta C., Giuffrida F., Distefano A. & Grasso M.G. (2003). Suicides and the third age. *Archives of Gerontology and Geriatrics* V. 36, # 1, 1-6. [https://doi.org/10.1016/S0167-4943\(02\)00050-X](https://doi.org/10.1016/S0167-4943(02)00050-X).
25. Mortier, P., Demyttenaere, K., Auerbach, R.P., Cuijpers, P., Bruffaerts, R. (2017) First onset of suicidal thoughts and behaviours in college. *Journal of Affective Disorders*, V. 207, 291-299. doi.org: 10.1016/j.jad.2016.09.033.

26. Senkevich, L.V. Phenomenological and Process Dynamic Characteristics of Existential Identity Crisis (2016). Global Media Journal, S2: 19. <http://www.globalmediajournal.com>.

27. Shahnaz, A., Saffer, B.Y., Klonsky, E.D. (2018) The relationship of perfectionism to suicide ideation and attempts in a large online sample. *Personality and Individual Differences*, 130, 117-121. doi.org: /10.1016/j.paid.2018.04.002.

28. Van Orden, K.A., Wiktorsson, S., Duberstein, P., Berg, A.I. & Waern, M. (2015). *The American Journal of Geriatric Psychiatry* V. 23, # 5, 536-544 <https://doi.org/10.1016/j.jagp.2014.07.003>.

29. Ekimova V.I., Kokurin A.V., Litvinova A.V., Orlova E.A. The implementation of simulation modeling in the extreme psychology master's course // *New perspectives in science education. Conference Proceedings 6th Conference Edition*. Edited by Pixel. 2017. Florence, Italy: Libreriauniversitaria.It edizioni, 2017. C. 327-330.

Сенкевич Людмила Викторовна

Орешкина Алена Сергеевна

Дата поступления: 11.06.2019

Дата принятия к публикации 10.08.2019

**PECULIARITIES OF THE MOTIVATIONAL SPHERE AND COPING STRATEGIES
OF THE MATURE AGE OF SUICIDENTS IN THE CONTEXT
OF THEIR EXISTENTIAL CRISIS**

DOI: 10.25629/HC.2019.08.18

Senkevich L.V.¹, Oreshkina A.S.²

¹Russian State Social University

²Moscow Scientific Research Institute of Psychiatry

Moscow, Russia

Abstract. The purpose of the study was a comparative analysis of the characteristics of motivational, semantic spheres of personality and coping strategies of mature people with suicidal behavior and their peers with normative behavior, as well as the study of the mutual influence of these features within both samples. Mature age suicides have a high level of suicidal motivation, a combination of adaptive and non-adaptive coping strategies and an existential crisis. Risk factors for the development of suicidal motivation that determines suicidal behavior include the loss of life meaning, coping strategies of distancing and self-control. Distancing also contributes to the development of an existential crisis in people with suicidal behavior. The protective factors of suicide and the development of an existential crisis in maturity include meaningfulness of life, existential execution, coping strategies for a positive reassessment of the situation, planning a solution to the problem and seeking social support.

Keywords: suicides, mature age, suicidal motivation, existential crisis, coping strategies, meaningfulness of life, existential fulfillment.

Senkevich Lyudmila Viktorovna

Oreshkina Alena Sergeevna

Date of receipt 11.06.2019

Date of acceptance 10.08.2019